

ISSN 1811-1823

ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

С. ТОРАЙҒЫРОВ АТЫНДАҒЫ
ПАВЛОДАР МЕМЛЕКЕТТІК
УНИВЕРСИТЕТІ

ФИЛОЛОГИЯЛЫҚ СЕРИЯ

سز ما ملو و مر شز کا سو انا وقت و مر ط
قت و الععد و مر شز ما سدا اعد
عقلا و العفلا
س انقد ان زعم الرجم و العود من العنا
ما الناس انما الناس من نور النور و العفلا
من نور نور و صمد و الناس من العفة و العنا

العقلا و العفلا
العقلا و العفلا
العقلا و العفلا

2'2012

ПІМУ ХАБАРШЫСЫ ВЕСТНИК ПГУ

СОДЕРЖАНИЕ

АБИШЕВА К.М. К вопросу о прецедентных именах как средствах воспитания патриотизма и формирования нравственной личности	9
АБИШЕВА К.М., ДОСАНОВА А.Ж., АБДЫБАЕВА Г.З. Традиции и обычаи как способы нравственного воспитания личности	16
АБИШЕВА К.М., СМАГУЛОВА Г.К. Лингвокультурологическая интерференция и типы ошибок при переводе сравнений	23
✓ АКОШЕВА М.К., РАХИМЖАНОВ К.Х. Об изучении семантической сферы языка	29
АЛИЯСОВА А.В. Билингвальное обучение в глобальном мире	35
АЛИЯСОВА А.В. Изменение языка с позиции двуязычия	40
АБДУАЛИУЛЫ Б. Природа понятия гармонии в культурном познании казахского народа	44
БАЛТАБАЕВА Г.С. Новые художественные особенности в современных казахских повестях и рассказах	47
ДАЛЬБЕРГЕНОВА Л.Е., ЖУРАВЛЁВА Е.А. Многоаспектный подход к семантике причинно-следственных отношений	53
ЖУСУП К.П., ЖУСУПОВ Н.К. Машхур – Жусип – мастер слова: портреты человека	60
ЖУСУП К.П., Жусупов Н.К. Машхур – Жусип – мастер слова: отрицательные качества человека	65
ЖУСУП К.П., ТОЛЕУБАЕВА А.С. Поэтика Машхур Жусупа (по переводам)	72
КУДЕРИНОВА К.Б. Значение унификации алфавитов, орфографии и орфоэпических норм тюркских языков	78
НЕГИМОВ С. Национальный характер поэзии Машхур Жусупа	83
ОМАРУЛЫ Б. Национальная скорбь и образ человека эпохи	87
✓ РАХИМЖАНОВ К.Х. О культурном двуязычии и опосредующей деятельности билингва-переводчика	90
✓ РАХИМЖАНОВ К.Х., АБИШЕВА К.М. О значении компетентностного подхода в формировании компетенций переводчиков и туристов	95

✓ РАХИМЖАНОВ К.Х., АКОШЕВА М.К. О русском поэте с казахстанскими корнями	100
✓ ШАЙМАРДАНОВА С.К. Морфологические и синтаксические средства создания образности в рассказах А.П. Чехова	104
ШАРИП А. Национальная идея и литературно-исторические аспекты традиционной ментальности	110
ЫСКАК Б.А. Про кратких рассказах писателя Б. Нұржекеұлы	116
✓ ШАХМЕТОВА Н.А. Образы-интенсификаторы в поэтическом дискурсе	119
✓ КЕНЖЕТАЕВА Г.К., БЕЛЕЦКАЯ Е.В. Языковая картина мира и ее национальная специфика	125
Наши авторы	130
Правила для авторов	132

С.К. ШАЙМАРДАНОВА

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ
СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В РАССКАЗАХ
А.П. ЧЕХОВА**

Анализ художественного текста как целостного произведения искусства, которое существует в диалектическом единстве плана содержания и плана выражения, включает исследование как идейно-тематического содержания текста, так и языковой его организации. План выражения (языковая организация текста) служит формой существования плана содержания (идейно-тематическая, информационно-эстетическая сторона текста).

Слово как средство художественного изображения давно привлекает внимание исследователей. Основной тенденцией современных работ по языку литературных произведений является стремление определить назначение каждого отдельного речевого компонента текста.

Литературоведение имеет большой опыт изучения художественных особенностей произведений А.П. Чехова, а лингвистические исследования его прозы охватывают лишь узкий круг аспектов языка и речи. По преимуществу публиковались статьи и тезисы, составившие основу серии тематических сборников «Язык и стиль А.П. Чехова», «Творчество А.П. Чехова», «Проблемы языка и стиля А.П. Чехова», «Языковое мастерство А.П. Чехова». Известны лишь две монографии – А.П. Чудакова (1971) и Л.Г. Барласа (1991), в которых комплексно рассматриваются задачи художественного использования писателем речевых средств.

Несомненно, актуальным остается и влияние творчества этого поистине великого русского писателя на формирование эстетического вкуса и воспитание юного поколения в лучших традициях безраздельного гуманизма.

Лингвистический анализ рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий» показывает, что автором используются такие части речи, как имена существительные, имена прилагательные, глаголы, местоимения, причастия и деепричастия. На протяжении всего произведения в преобладающем большинстве использованы имена существительные (дорога, приятели, жена, гимназист, Порфирий, Миша, лобзания, глаза, губы, слезы, красавец, гимназия и т.д.). Они несут в себе конкретность, точность, четкость в описании встречи двух приятелей. В целом, при описании этой встречи преобладают имена существительные и прилагательные в сочетании друг с другом (Николаевская железная дорога, высокий гимназист, кофейная гуша и т.д.). С помощью эмоциональных существительных (голубчик, душонок, милый друг и др.) передаются радость встречи, неожиданность, искренность. Глаголы передают действия главных героев и их поведение (встретились, пообедал, воскликнул, изумился, побледнел, окаменел, искривилось, сгорбился и др.), причем глаголы употреблены в прошедшем времени совершенного и несовершенного вида. Редко автором используются наречия, причастия и деепричастия (подернутые маслом, навьючен чемоданами, с прищуренным глазом, увидев тонкого, урожденная Ванценбах, хорошенько и т.д.). Эти части речи предназначены для того, чтобы описать внешний вид героев или передать их психологическое состояние. Что касается местоимений, в рассказе использованы следующие (они, его, мой, ты, вы). Причем примечательно использование местоимений «ты» и «вы». В начале рассказа тонкий свободно общается на «ты» с толстым, тогда как затем, узнав о статусе толстого в обществе, резко переходит на формальное «вы». Таким образом, в рассказе «Толстый и тонкий» в большей мере употреблены имена существительные конкретные, с чисто предметным значением, качественные прилагательные, глаголы несовершенного вида и страдательные причастия совершенного вида — для описания места встречи двух приятелей (Николаевская железная дорога), характера их встречи, неожиданности ситуации (глаза, полные слез, все были ошеломлены), внешнего вида (худенькая женщина, длинный подбородок жены, губы лоснились, как вишни, и т.д.). Эти средства морфологического уровня языка используются писателем для того, чтобы перед читателями была полная и ясная картина поведения двух приятелей. Образ автора в этом описательном рассказе отсутствует, но при этом мы, читатели, становимся непосредственными очевидцами этой удивительной встречи, в которой раскрывается истинное лицо одного из героев.

При описании резких перемен в поведении тонкого после того, как он узнал о высоком чине своего бывшего одноклассника, автор использует

глаголы прошедшего времени совершенного вида со значением результата: «побледнел, окаменел, съежился, сгорбился, сузился, съежились, поморщились, искривилось».

В плане синтаксических особенностей рассказа можно отметить следующее. При описании встречи двух приятелей преобладают простые конструкции с наличием обоих главных членов предложения. Они представлены предложениями, осложненными однородными членами (однородными подлежащими, однородными сказуемыми), а также одно предложение – сложное, сложноподчиненное, которые в совокупности своей используются для того, чтобы более точно передать описание чиновников – бывших гимназистов: «На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его лоснились, как спелые вишни. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками».

В диалоге двух приятелей в основном используются неполные восклицательные предложения. – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим! Сколько лет! Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! Друг детства! Откуда ты взялся? – в данном случае мы видим, как бывшие одноклассники рады неожиданной встрече друг с другом, их переполняют буря радостных эмоций и светлых чувств от встречи.

На кульминационном этапе рассказа мы видим, что автором используется сложное предложение для того, чтобы более точно и четко передать состояние главного героя рассказа, его внутреннее переживание: «Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой, казалось, что от лица его посыпались искры». Далее идут простые осложненные предложения: «Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы, и картонки съежились, поморщились». Автор мастерски, с помощью ярких образных средств (метафора, градация, гиперболо), показывает нам изменение в психологическом состоянии одного из чиновников.

Анализируя средства рассказа на синтаксическом уровне, мы видим, что автором в большинстве случаев используются простые предложения, что соответствует задачам описания. А факты использования в составе простых предложений осложняющих конструкций (однородных членов предложения) говорят о стремлении писателя отметить детали описываемых событий, состояний героев. А то, что вместе с тонким меняется и его окружение (поведение жены и сына), и обременяющий его груз, говорит о том, что Чехов использует подобный прием для усиления комического эффекта.

Что касается образных средств текста, то в нем отмечается использование метафор и сравнений: «Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни». Очевидно, данное сравнение использовано автором для того, чтобы показать читателям, что

толстый живет в достатке. «Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз посыпались искры». Метафорическое описание использовано для того, чтобы более четко и тонко передать психологическое состояние тонкого. Мы видим, что герою стало не по себе. Также использован прием антитезы и оксюморона: «Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было столько благовония, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило». Первые две части сложного предложения передают противительные отношения, между второй и третьей предикативной частью реализуются обстоятельственные отношения меры и степени. Подобная семантика, проявляющаяся на синтаксическом уровне, свидетельствует, на наш взгляд, о различиях в психологическом и социальном состоянии героев.

В рассказе «Смерть чиновника» поведение Ивана Дмитриевича Червякова можно передать через следующий ряд ключевых глаголов: «сидел – глядел – чихнул – пришлось сконфузиться – обрызгал – извиниться – объяснить – не смею смеяться – оторвалось – попятился – поплелся – лег – помер». Как видим, вся сюжетная ткань рассказа держится непосредственно на глаголах. А.П. Чехов решительно переосмысливает традиционный в русской литературе образ «маленького человека». Зачастую «Смерть чиновника» А.П. Чехова сопоставляют с «Шинелью» Н.В. Гоголя. Но Иван Дмитриевич Червяков решительно не похож на Акакия Акакиевича Башмачкина. И генерал – далеко не «притеснитель», он не столь уж грозен. Ведь рывкнул он на своего посетителя лишь тогда, когда он довел его все новыми и новыми посещениями и бесконечными извинениями. «Закипание» генерала также можно передать через ряд глаголов. Сначала он «бормотал», потом он «сказал», затем он «состроил плаксивое лицо и махнул рукой» и только потом он «гаркнул». Степень бешенства генерала передают причастные формы – «гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал». Кроме того, состояние генерала передает и то, в каком лице он обращается к Червякову. Если сначала он отвечал ему во втором числе множественного числа, т.е. «на вы» (дайте слушать, смеётесь), то последняя его фраза предельно экспрессивна за счет использования глагола прошедшего времени в повелительном наклонении и обращения на ты: «Пошел вон!».

Таким образом, одну из ведущих стилистических функций в рассказе А.П. Чехова «Смерть чиновника» выполняют глаголы и их формы. Именно глагольная лексика способствует яркости, выразительности и лаконичности произведения, что и является определяющими чертами стиля А.П. Чехова. Проследив функционирование глагольной лексики в тексте мы пришли к следующим выводам. Глагол вместе с отглагольными формами, обладающий большим «набором» категорий, форм и оттенками значений, является одной из примечательных в стилистическом отношении частей речи русского

языка. Прежде всего, глагол является основным средством придания тексту динамичности, сообщения ему развития действий. Функционирование глагола в тексте определяется его личной формой, временем, наклонением, видом.

Особенно многообразны в художественном тексте значения и функции прошедшего времени. Прошедшее время в художественном тексте подразделяется на три основных вида – прошедшее не совершенное, выражающее длительное в прошлом действие (так называется прошедшее описательное), прошедшее совершенное с результативным значением и прошедшее повествовательное. Определяющим здесь является вид глагола, который представляет действие в двух аспектах. Это представление действия статически и представление действия динамически.

В рассказе А.П. Чехова «Смерть чиновника» глагольная лексика определяет всю сюжетную ткань рассказа и выполняет следующие функции: 1) глаголы прошедшего времени несовершенного вида в большей степени передают состояние героя; 2) глаголы прошедшего времени совершенного вида сообщают о действии непосредственно в развитии, в динамике и заключают в себе сюжетную нить рассказа; 3) глаголы настоящего времени (в безличных предложениях) сообщают предмету, действию, состоянию обобщенность и обыденность; 4) одни и те же глаголы в различных контекстах заключают в себе противопоставления, т.е. являются контекстуальными омонимами; 5) стилистическая сниженность глаголов является средством выражения авторского отношения к герою, т.к. во многом характеризуют его; 6) повтор одних и тех же глаголов ставит на них логическое ударение и говорит о том, что они, возможно, являются ключевыми; 7) степень экспрессивной выраженности глаголов передает эмоциональное состояние героев; 8) причастия и деепричастия являются оттеночными по отношению к глаголам и способствуют более яркой характеристике героев. Таким образом, именно глагольная лексика в рассказе А.П. Чехова «Смерть чиновника» является определяющей в стилистической характеристике писателя.

На синтаксическом уровне автором использованы простые и сложные конструкции. К примеру, в завязке рассказа использованы простые предложения: «Он глядел и чувствовал себя на вершине блаженства» – полное двусоставное предложение, осложненное однородными сказуемыми. «Все чихают» – двусоставное полное, нераспространенное предложение. «Но тут же пришлось сконфузиться» – односоставное, полное, безличное предложение.

Далее в ходе развития действия вводятся сложные конструкции. «Червяков несколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем?» – бессоюзное сложное предложение с изъяснительными отношениями. «Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и

бормотал что-то» – сложноподчиненное предложение с изъяснительными отношениями. «Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему: она только испугалась, а потом, когда узнала, что Брижжалов «чужой», успокоилась» – сложноподчиненное предложение с временными и изъяснительными отношениями. Заметим, что автором преимущественно употреблены сложноподчиненные предложения. Мы полагаем, что такие предложения использованы автором не случайно. Как известно из курса синтаксиса русского языка, сложноподчиненные предложения – это такие предложения, в которых использовано главное и придаточное, зависящее от главного по смыслу, предложения. Так и наш главный герой полностью зависит от обстоятельств, в социальном противоборстве «господин - раб», конечно же, он занимает позицию раба.

В диалоге между генералом и Червяковым преобладают простые предложения. Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно... Ничего, ничего... - Ради бога, извините. Я ведь... я не желал! - Ах, сидите, пожалуйста!» Данные предложения свидетельствуют о том, что главный герой не уверенный в себе человек. Также автором в данных примерах использован такой прием как многоточие, которые дают право читателю сделать для себя выводы о поведении главных героев. На кульминационном этапе рассказа мы видим, что автором используются также простые предложения. «Пошел вон!!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал. – Что-с? – спросил шепотом Червяков, млея от ужаса. – Пошел вон!! - повторил генерал, затопав ногами. В животе Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер». Приведенные конструкции передают состояния героев, в них передается негативная экспрессия, с одной стороны, от генерала, и, как результат, негативная реакция «маленького» человека. Таким образом, проанализировав синтаксический уровень данного рассказа, мы приходим к выводу о том, что в нем преимущественно преобладают простые предложения, в том числе простые осложненные предложения. Это обусловлено сложившимся в рассказах стилем писателя, его творческой манерой, коммуникативными целями и задачами, умением автора в небольших по форме речевых объемах передать емкое содержание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Белый А. А.П. Чехов // А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – нач. XX в.: Антология. / Сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих. - СПб.: РХГИ, 2002.- С. 831–843.
- 2 Доманский Ю.В. Статьи о Чехове. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2001. – 95 с. – (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение).

З Иванова Т.Г. Автор в драматургии А.П. Чехова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 131 с. – (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение).

Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, г. Павлодар. Материал поступил в редакцию 06.11.2012.

С.Қ. ШАЙМАРДАНОВА

А.П.ЧЕХОВТЫҢ ӘҢГІМЕЛЕРІНДЕГІ КӨРКЕМДІК ЖАСАУШЫ
МОРФОЛОГИЯЛЫҚ ЖӘНЕ СИНТАКСИСТІК ҚҰРАЛДАРЫ

S.K. SHAYMARDANOVA

MORPHOLOGICAL AND SYNTACTIC TOOLS FOR FIGURATIVENESS
IN A.P. CHEKHOV'S STORIES

Түйіндеме

Бұл мақаланың авторы А.П. Чехов әңгімелеріндегі көркемдік жасаушы морфологиялық және синтаксистік құралдарының лингвистикалық талдауын жасайды.

Resume

In this article the author carries out the linguistic analysis of morphological and syntactic tools for figurativeness in A.P. Chekhov's stories.